

A woman with dark hair and eyes, wearing a voluminous white fur coat, a multi-strand necklace with pearls and diamonds, and large pearl earrings. The background is dark with white floral line art.

**АННА
ЛИТВИНОВА**

**СОЛНЦЕ
ПРОТИВ ПРАВИЛ**

Анна Витальевна Литвинова
Солнце против правил
Серия «Анна Литвинова:
Когда миллиона мало»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67841028
Солнце против правил: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-171227-3

Аннотация

Лию называют «солнышком». Девушку еще в детстве предали самые близкие люди, но она смогла выплыть. Окончила медучилище, нашла работу в престижном санатории и старалась всегда улыбаться, хотя на душе и черно.

Лия надеется, что с тяжким прошлым покончено навсегда. Кто мог подумать, что обаятельный пациент-москвич, за которым гоняются все незамужние медсестры, окажется гостем из ее прежней, беспросветной жизни? Молодой человек предлагает вместе восстановить справедливость. Лия соглашается, но вскоре понимает, что компаньон вовсе не собирается помогать ей, а преследует собственные цели.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

72

Анна Литвинова

Солнце против правил

© Литвинова А.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Ей часто хотелось выбить из головы все мысли, *выпасть* из мира. И когда разгонялась на электросамокате до максимальной скорости, это получалось.

На личный транспорт Лия копила полгода. Хранить средство передвижения приходилось в сарае – грязь в комнате квартирная хозяйка разводит запрещала. В холодные ночи девушка беспокоилась, бегала, укрывала любимца старым одеяльцем. И гоняла на самокате в любую погоду – хоть в дождь, хоть в морозы. Впрочем, в Целебноводске за суровую зиму и легкий снежок почитают.

Лия по происхождению «ма-асквичка» (как подкалывали ее местные). Но с одиннадцати лет в интернате, и в столице ничего не держало. Сразу, как медучилище окончила, подалась на юга. В Краснодарском крае не понравилось. Летом жара адская, толпы, на работе пахать приходится в три смены. Зимой – ледяная сырость с моря, отдыхающих ноль, и зарплата резко падала. В Целебноводске, на Ставро-

полье, показалось комфортнее. «Курортных волн» нет – народ круглый год водичку попивает. И климат мягче.

Считалось, что в хороший санаторий устроиться здесь можно только по протекции, но Лия путь от социального, с вредными бабками, до лучшей в городе пятизвездки «Исток совершенства» прошла без всякого блата. Хороший специалист сам себя продаст. Иных коллег отдыхающие раздражали, а ее, наоборот, азарт разбирал: как даже самую противную старушеницу умаслить, чтоб гнев на милость сменила? Оказалось, всего-то и надо: с улыбкой про здоровье осведомиться, спросить, комфортная ли водичка, после процедуры полотенце подать с видом, будто ты гардеробщица, а пациентка королева. Ну и процедуру, душ Шарко, не просто делать по всем правилам, но чего-то от себя добавить – например, массаж пяток горячими водяными струями.

Лия почти всегда улыбалась. Людям нравилось – прозвали «солнышком». И самой помогало: забыть про пустоту, что внутри.

Вот и сегодня с утра – мимоходом, по пути на работу, ослепила соседа Левушку (диковатого частного экскурсовода), бабу Пашу (та с раннего утра сидела у курортного парка, продавала орешки) и нескольких курортниц.

Сосед сразу приосанился, живот втянул, баба Паша сунула горсть чищенных грецких, а курортницы восторгаться начали: удивительно, мол, среди вечно хмурых местных приветливую девушку встретить.

Народ на Ставрополье, действительно, без дела зубы скалить не любит.

Лия, когда перебралась в Целебноводск, тоже поначалу ежилась под неулыбчивыми взглядами аборигенов. Но со временем разобралась: тут почти у всех кабардино-балкарские корни, и радостные гримасы попусту строить гордый народ не приучен. Зато если признали тебя своей – из любой беды вытянут. Пусть и без улыбки.

Когда Лия (молодая, симпатичная и одинокая) собиралась перебираться на Кавказ, все отговаривали:

– Утащат тебя в горы! Снасильничают!

Однако ж хоть и улыбалась почти всем встречным, и юбку короткую иногда надевала, а никто не трогал.

Как тот же сосед-экскурсовод говорил:

– Наш мужик чует – кого можно, кого нельзя.

Сам он давно предлагал – руку, сердце и роль помощницы в своем бизнесе, но Лие толстый Левушка совсем не нравился, поэтому категорически отказывалась: и от частной экскурсии, и даже от чашки чая в уличном кафе.

Семья, отношения – не для нее. От мужчин – даже самых с виду положительных – всегда ждала подвоха. Это еще с детства. Отец и брат отучили сильному полу верить.

...По узкому участку улицы, где полно пешеходов, Лия вела электросамокат «в поводу», но едва входила в курортный парк, разгонялась от души. Кайф неопиcуемый: несешься, в лицо хрусткий горный воздух, волосы развеваются, во-

роны (их в Целебноводске немерено) вслед орут.

Обычно затыкала уши громкой музыкой, для полного отрыва, но вчера забыла сунуть гаджет на зарядку, поэтому мчалась сегодня исключительно под свист ветра. И когда ехала мимо фонтана влюбленных, услышала истеричное мяуканье.

Притормозила, спешила, подошла. Воду давно спустили – на дворе ноябрь. Глубина – метра три. И со дна вопит-надрывается мелкий котенок. Совсем малыш, лапы разъезжаются, но голос громкий, недовольный.

Зеваки (в основном пожилые курортницы) ахают:

– Кто ж тебя туда закинул, милый?!

А единственный среди зрителей мужчина – вполне себе молодой и спортивный – видеосъемку ведет, как животное по пустому фонтану в отчаянии носится.

Лия сразу к ютьюберу (или кто он там). Мышцы лица растянута в привычной улыбке, предложила:

– Достанем?

– А вылезать как?

– Придумаем, – беспечно отозвалась она.

– Не, я подтягиваться не умею.

Хотелось высказать, кто он есть, но жизнь на Кавказе приучила: язык придерживать. Молча отвернулась. Скинула куртку, положила на парашют. С сожалением поглядела на ногти (маникюр только вчера сделала). И прыгнула.

Котенок, несчастный, одинокий, саму себя напомнил – то-

же никому не нужную. Так что и думать нечего, как потом выбираться, – надо помогать.

Но благодарности не дождалась – котейка от своей спасительницы бросился прочь, а когда смогла загнать в угол – выгнул спину, оскалился, зашипел.

– Бешеный! Лучше не трожь! – крикнул сверху ютьюбер.

Лия попыталась схватить звереныша за шкуру – извернулся, ускользнул, мечется, огрызается. Она бежит за ним, но животное шустрее. Да не просто удирает – цапнуть пытается.

Бабуси-наблюдательницы причитают:

– Боится он, бедненький! Тебе б его подцепить чем!

Но тут подошел пожилой густобровый смотритель. Загрохотал:

– Куда залезла?

– Котика она спасает! – вступились болельщицы-бабки.

Пожилой кавказец безжалостно хмыкнул:

– Всяко сдохнет, беспризорник.

А Лия – очень кстати – вспомнила дядекино имя – городок-то маленький, знакомых полно. Улыбнулась:

– Дядя Бийберт, да он не скоро сдохнет. Еще пару дней может орать. Вам же курортники и будут мозг выносить! У вас есть что-то типа сачка?

– Да принес я. Только не справишься ты. Тяжелый он.

Протянул сачок – Лия едва не выронила. А неудобный какой – пока взметнешь, кот пять раз убежать успевает.

Но все-таки умудрилась: загнала в угол. Завопила диким голосом – котейка в страхе уши прижал. И захлопнула мышеловку. Бабки горячатся, советы дают:

– Теперь держи крепче! Рукой прихвати! Смотри, чтоб не цапнул!

Трус-ютьюбер с возбужденным лицом бегают, ракурсы выбирает. Еще несколько челов подошло, глазеют. И ни одна сволочь даже не пытается спрыгнуть, помочь. Вот и думай: какой вообще в мужиках смысл?

С трудом подняла на вытянутых руках тяжеленный сачок – котенок болтался внутри. Выпустила страдальца. Бабки пытались сюсюкать – оскалился, зашипел, кинулся прочь. Сейчас посыплются очередные советы – за что хвататься, как вылезать. Но дядя Бийберт деловито сказал:

– Приступочек видишь? Туда иди.

Как раньше не заметила? Очень даже опция – забралась на него и сразу сэкономила метр. Подпрыгнула, ухватилась за кромку фонтана, подтянуться не смогла, позорно сорвалась. Но тут уж мужики снизошли. Велели прыгать еще раз, подхватили, вытащили. Ноготь, правда, все равно сломался. А джинсы все в пыли и на коленке ободранные.

Бабки квохчут, хвалят. Одна все порывалась интервью брать о ее героизме – для местной газеты. Ютьюбер тоже подвалил:

– Телефон свой давай.

– Зачем тебе?

– Видео скину. Круто получилось. Смонтирую, музыку добавлю из «Звездных войн». В сториз выложишь – звездой станешь!

Лия – практически местная, тертый калач – номер свой на улице сроду никому не засвечивала. Но в социальной сети, тут парень прав, подвигом похвастаться надо – так что, в виде исключения, десять цифр продиктовала.

И только потом взглянула на часы. Ничего себе: уже семь пятьдесят шесть. А ровно в восемь ей надо на проходной отметить. Пришлось взбаламутить чинное утро Целебноводска: выжимала из самоката максимум, пешеходы шарахались, машины гудели. Санаторий у них живет по суровым законам: не явилась вовремя – тысяча рублей штраф и гневное назидание от начмеда.

К проходной подлетела в критические семь пятьдесят девять и сорок секунд. Вроде бы шансов нет. Но пожилой охранник дядя Макс тоже симпатизировал улыбчивой медсестре. Подждал на улице, у сторожки – где надо было отмечать пропуск. Выхватил из рук магнитную карточку, рванул внутрь, приложил к считывателю, выдохнул:

– Ф-фух. Успел.

– Спасибо, дядечка Максичек!

Но у прибора отметить – еще полпроблемы.

Быстренько припарковала самокат, рысью к себе, в душевое. Давно замечено: когда приходишь с запасом, первые пациенты вальжной походкой являются часиков в девять. Но

сегодня – закон подлости в действии – на диванчике уже сидела склочная на вид дама в белоснежном махровом халате и с огромной сумкой «Шанель». Тетя Люся, уборщица, суетилась – подавала травяной чаек, предлагала кислородный коктейль, – но пациентка надменно отмахивалась:

– Не надо мне ничего!

Увидела встрепанную Лию, напустилась:

– Уже пять минут вас жду!

– Простите. Форс-мажор.

– Вот что за страна! Вроде пять звезд у гостиницы, а сервиса все равно никакого, – продолжала возмущаться.

Даме лет пятьдесят с хвостом, лицо улучшено-закачано-перепахано так, что кукла прямо вылитая. Лия – с ее природной свежестью и натуральным румянцем – таких всегда раздражала. Но тем интереснее вину загладить и пациентку обаять.

Спросила дружелюбно:

– У вас следующая процедура когда?

– Тебе-то какая разница?

– Если не очень спешите, могу *двойной* Шарко сделать. В качестве компенсации за неудобства.

Глаза кукольной тети блеснули торжеством. Лия всегда удивлялась: цена на душ, в сравнении с более современными и модными усладами, – практически копейки, шестьсот рублей. Но пациенты бьются за каждую минуту насмерть. Однажды целый скандал ей устроили: склочный дядечка утвер-

ждал, что песочные часы «подкручены» и по факту его каждый день обделяют. До начмеда дошел, вместе явились – внезапно. Сравнивали время по таймеру. Когда все сошлось до тютельки – извиниться даже не подумал.

У молодящейся дамы в медицинской карте – процедур на сто тысяч, а сумка от натуральной «Шанели», как объяснили Лие старшие медсестры, стоит сумасшедшие евро. Но поди ж ты: обрадовалась. Кивнула милостиво:

– Ладно. Так и быть.

И царственно пошагала в душевое.

Лия мухой бросилась в раздевалку, одежду оставила на полу, сломанный ноготь, чтоб не мешал, откусила – только бы пациентку больше не задерживать. Но когда заглянула в предбанник – тетя еще только раздевается. Под халатом за-чем-то и бюстгальтер, и майка с кружевами. Шлепанцы на каблучках и с пушистым помпоном.

Вот блин. Опять проблема. Под душ в таких не встанешь, помпон облысеет. А тряпочные санаторные тапочки – жутко скользкие. Опытные пациенты приносили собственную пластиковую обувь – пусть не гламурную, но устойчивую. Но куколка, конечно, обрядилась в одноразовые.

Лия предупредила:

– Вы только осторожно. Там плитка. И напор воды сильный.

Отмахнулась:

– Справлюсь.

Но едва медсестра включила душ, попросила приподнять стопу – чтобы помассировать водяной струей пятку, – тапочку с ноги сорвало, унесло.

– Совок – он и есть совок, – пригвоздила пациентка. – Все у вас через ж... – Пинком сбросила вторую тапку. Проворчала: – Еще грибок тут подцепишь.

– Могу принести шлепки, – предложила Лия.

– Свои? – ухмыльнулась красавица.

– Нет. Новые.

Несколько раз говорила начмеду: нужно что-то решать со скользкими тапками, но вопрос уже который месяц на рассмотрении. Так что пока за собственные средства купила на городском рынке несколько дешевых, но устойчивых пар – специально для таких склочников.

Куколка отмахнулась:

– Ладно! Давай работай уже. А то до ночи тут у тебя проторчишь.

Прочно угнездилась на кафеле босыми ногами, фигура ядреная – чисто памятник «Колхозница» с ВДНХ, несмотря на все великосветские понты.

Лия сделала напор побольше и сосредоточилась на проблемных зонах дамочки. Когда увлекалась, без разницы, что клиент противный, – все силы прилагала, чтобы максимально разбить целлюлит и обрисовать водяной струей талию.

Куколка послушно, по команде, поднимала и опускала руки, поворачивалась то одним, то другим боком, а когда удво-

енный Шарко завершился, снисходительно сказала:

– Считай, что отмазалась.

Но чаевых все равно не дала.

Лия вышла из душевой. Уборщица тетя Люся встретила сочувственным вопросом:

– Как у тебя только терпения хватает на таких?

– Железная воля, – улыбнулась медсестра.

Она давно привыкла носить броню и никому о собственных переживаниях не рассказывать.

– Чего опоздала-то?

– Самокат не заводился.

– Ох, зачем он только нужен тебе! Ездила бы, как все, на маршрутке.

Тетя Люся вечно пыталась загнать Лию под каноны *как надо*, но медсестра рьяно отстаивала свободу. С какой стати посторонняя тетя (пусть и милая) будет ее жизни учить?

Достала – под укоряющим взглядом уборщицы – энергетический напиток.

– Да что травмишь себя! – привычно запричитала та. – Давай коктейль кислородный!

– Сами эту гадость пейте, – Лия с наслаждением глотала бодрящую смесь кофеина, таурина и гуараны. – Спросила: – Какие новости?

– Булочки с корицей сегодня знатные.

Персонал кормили тем, что курортники не доедят, но выпечки, да еще когда вкусная получалась, обычно не остава-

лось, а у Лии с кондитером Али дружба, так что понятно, к чему разговор.

– Сейчас сгоняю. Выпрошу, – пообещала медсестра.

– И в процедурный по пути загляни, – загадочно улыбнулась тетя Люся.

– Зачем?

– Там такой кадр! Вчера вечером заселился, девочки угощают с него. На бровях уже второй день. Ночную смену пытался шампанским поить. С утра у него капельница, пришел уже «тепленький», спрашивает: «Ничего, что я пьяный?»

– Выгнали? – заинтересовалась Лия.

– Нет. Специально к начмеду ходили, она сказала: мексидол или мельдоний в состоянии алкогольной интоксикации нельзя. А озон – ничего страшного. Так что лежит, капается. И песни поет.

– Да ладно. А народное возмущение?

В процедурке несколько кушеток, и пациенты вечно грызутся – то канал не поделят по телевизору, то кто-то по телефону посмел громко поговорить. А тут пьяный, да еще поет.

– Даже взрослым тетям нравятся красивые хулиганы, – хмыкнула уборщица.

Ладно, посмотрим – хоть что-то новенькое в очереди болезненных старичков и дрессированных мужей. Но булочки, безусловно, важнее.

Прибежала на кухню. Повар поманил в закуток, куда видеокамеры не доставали, заулыбался:

– Целых три тебе отложил.

– Дядечка Али, ты такой классный, спасибо тебе огромное! Приходи на Шарко, я сегодня до шести.

Положила источающий ароматы бумажный пакет в рюкзачок – ее ноу-хау. Когда с сумкой по корпусу идешь, сразу подозрительные взгляды. А если у тебе к спине прицеплена небольшая емкость – начальству в глаза не бросалось.

В процедурке обычно медицинским спиртом пахнет, а сегодня прямо с порога запах хорошего коньяка шибанул. Но никакого красавца – на кушетках одни молодящиеся старушки.

– Где?

– В барокамере. Сморило его там, – шепнула процедурная сестра. – Такой хохмач! Нелька с ингаляцией прибежала, рассказывала. Она прибор заряжает, а он ей: «Можно ли, пожалуйста, мне дышать не шалфеем, а коноплей?» К тебе тоже придет. Жди.

Лия над пьяным красавцем собиралась чисто поржать. Но остальных сотрудниц санатория (в большинстве своем незамужних) незнакомец заинтриговал чрезвычайно. Тетя Люся (в ее-то пятьдесят и с пьющим сожителем чего мечтать о столичных красавцах?!) в азарте собирала информацию из бухгалтерии и отдела бронирования. Экстравагантному пациенту оказалось 35 лет. Москвич. Не женат. Место работы – «индивидуальный предприниматель». Имя, только подумать, Борей! Тут уж и Лия заинтересовалась, спросила

у интернета – оказалось, сын каких-то Астреи и Эоса, божество холодного северного ветра. Живет – один – в двухкомнатном люксе. Процедур набрал самых дорогих. Денег, видно, хренова туча – Юлия Карловна, их суровый начмед, стелется перед ним конкретно, даже когда Андрей Малахов приезжал, и то меньше прыгала.

Лие хотелось, когда между клиентами паузы, спокойно почитать в интернете, но тетя Люся твердо вознамерилась представить товар – молодую медсестру – лицом. Совала пилочку, заставляла привести сломанный ноготь в порядок. Пробник блеска для губ от косметологов принесла.

– Да плевать мне на вашего Борея! – отбивалась девушка.

Но когда вертлявая Милка с барокамеры похвасталась, что пациент ей целую тысячу чаевых презентовал, упрямиться перестала.

И даже заплела, вместо обычного хвоста, косичку «коло-сок».

После обеда принц, наконец, явился.

Лия из подсобки услышала хорошо поставленный бархатный голос:

– Добрый день, девочки! Возьмете меня *шарконуться*?

Хмыкнула: надо запомнить словечко, пригодится – ей-то, сотруднице душа Шарко!

Странно только, почему голос знакомым кажется? Выглянула в щелку. Поначалу не узнала. Красавец. Атлет. Лицо породистое. Губы секси. И никакой надменности, свойствен-

ной богам. На тетю Люсю (а ей реально до пенсии пара лет!) смотрит ласково – та сразу взбудоражилась, улыбается, суетится: пожалуйста, присядьте, а не хотите ли чаю травяного?

А в глазах, на первый взгляд чужих, что-то неуловимо родное.

Пригляделась внимательнее – и в страхе отступила.

Разве может вернуться тот, кто умер?

Он очень, фатально, разительно, изменился. Но еле заметный шрам на левом виске остался. И улыбка прежняя – одновременно хамская и беззащитная.

Боже мой. Это не может быть Борька. Но это все-таки он.

Ее старший, единокровный, брат. Хотя Лия его много лет назад похоронила.

* * *

Считается, что дети себя с трех лет помнят, но у Лии самая первая картинка гораздо раньше: деревня, двор утопает в снегу, и она – босиком. Пятки обжигает лютым холодом, каждый новый шаг – слезы. Борька тоже здесь, в воспоминании. Защищает ее, кричит:

– Папа! Хватит! Она же маленькая!

Но отец рокочет:

– Всего двадцать шагов. Ничего страшного. Пусть закаляется.

Семья у них была необычная. Мама – тихоня, хозяйюшка.

Своего мнения нет, отцу в рот смотрит.

А батя – великий реформатор. Из детей пытался вырастить людей нового типа. Закалял, развивал, официальную медицину гнал прочь.

– Хорошо, ты не помнишь, – рассказывал Борька. – Он тебя, совсем мелкую, держал за ноги вниз головой. И ледяной водой окатывал. Знаешь, как ты вопила!

Хотя детям хотелось обычного семейного тепла, а не превращаться в сверхчеловеков.

Лия, когда выросла и завела себе «Живой журнал», однажды опрос среди подписчиков устроила: у кого что из детства в памяти самое яркое? И реально завидно оказалось читать: про любимого попугайчика или как пирогами пахнет.

У них дома – с папочкиными закидонами – ни о чем подобном даже подумать было немислимо. Коты и прочие твари – разносчики кишечных паразитов. Игрушки могут быть только развивающими. Про пироги тоже только мечтать – начинал отец с вегетарианства, потом перешел в веганы, дальше вообще стал сыроедом. И вся семья должна была следовать его правилам.

Борька – он на пять лет старше, чем Лия, – против порядков в их доме всегда бунтовал. Хохотал гомерически, когда мама начинала рассказывать, как больно бедной коровке, когда ее убивают. Притаскивал от сердобольных соседей конфеты, булочки, подкармливал младшую сестренку.

Лия вечно меж двух огней. Родители оздоравливают и за-

каливают. А Борька ей уже в пять лет дал сигареткой затянуться. И пусть замутило нещадно, но от проростков с маслом гхи ее еще больше воротило.

Мама, очень робко, пыталась убедить отца, что растущим организмам мало одной растительной пищи. Предлагала давать хотя бы молоко, яйца – в деревне-то они хорошие, без нитратов. Отец долго ворчал и наконец разрешил – один бутерброд с маслом раз в неделю, по воскресеньям. Но Боря малостью не довольствовался. Уже лет с десяти удирал из дома, от отцовских бесплатных трудовых повинностей, и к соседям нанимался в огороде помогать. Потом приносил Лие честно заработанные хлеб, сало, домашние сыры. А если давали деньгами – покупал в сельпо шипящие на языке конфеты, ядовито-красную колбасу, чипсы, исходящие жиром.

Мама – когда засекала – всегда расстраивалась, но не выдавала. А отец бесился конкретно. Однажды обнаружил их тайник с куличами пасхальными – приложил Борьку в наказание головой о чугунную печку. Ездили потом в травмпункт зашивать, и шрам на виске навсегда остался.

Врач смотрел подозрительно, долго расспрашивал, кто ударил, но Борис упрямо повторял, что свалился сам.

У него с раннего детства – характер и свои понятия. И отец, возможно, психовал потому, что чувствовал: пацан, дохляк, его сильнее. Пусть не телом, но духом.

Папа, в принципе, человек-то не злой. И хорошее в его оздоровительно-воспитательной системе тоже имелось. Об-

ливаться водой ледяной, босиком по снегу ходить – да, жестко, зато простудами Лия с Борькой никогда не болели. Гимнастические упражнения, впоследствии сменившиеся йогой, дали им гибкость, хорошую осанку. И от игр развивающих толк имелся: говорить начали рано, с математикой школьной никаких проблем. Что без прививок – бог тоже миловал, обошлись без туберкулеза или полиомиелита. Но вот вечная *травя-растительность* на завтрак, обед и ужин – это, конечно, жуть. Лия уже девятнадцать лет как дома не живет, а никак не может булочками-шашлыками наестся. Лишнего веса килограммов восемь набрала, и с каждым годом все прибавляется.

Отец, впрочем, искренне считал: он безусловно, однозначно, навсегда прав.

А мама смотрела ему в рот.

Но Борьку – вечного нарушителя спокойствия – как могла защищала. Хотя ей он неродной.

Родители познакомились в санатории. Мама, восемнадцатилетняя студенточка, восстанавливала здоровье после воспаления легких. Отец лечил нервы – совсем недавно в аварии погибла его супруга. Оставила вдовцом с четырехлетним сыном.

Печаль в его глазах и трогательная забота о ребенке произвели на маму неизгладимое впечатление. Да и лично ее смог удивить. После болезни никак не могла полной грудью вдохнуть, а новый знакомый научил особой дыхательной

гимнастике, мигом излечившей недуг. Плюс трогательно заботился, много интересного рассказывал.

Поженились, мама быстро забеременела. Бросила институт, помогала отцу в делах – СССР только что развалился, и батя на его руинах пытался подняться, стать гуру смутного времени, вроде Чумака с Кашпировским.

Боря принял мачеху настороженно, но та изо всех своих робких сил старалась заменить ему родную погибшую маму. И когда в семье родилась общая дочь, не задвинула пасынка на второй план – распределяла между детьми любовь поровну. Боре иногда даже больше доставалось.

Впрочем, он мачеху все равно презирал. Называл (не в глаза, конечно) селедкой снулой. Говорил Лие:

– Вот почему она не взбунтуется? Не скажет: будем есть мясо, и точка! Ее голос, мой – уже два. Твой – ладно, половинка, ты мелкая. Но все равно получается абсолютное большинство.

Но мама лишь просила робко:

– Ребята, не спорьте, пожалуйста, с папой. Он лучше знает, что делать.

Хотя гордиться отцом, как уверял Борис, оснований никаких. Адептов не нажил, Чумака с Кашпировским не потеснил. Вел жалкие группы здоровья, писал для журналов статьи про правильный образ жизни, зарабатывал крохи. Да еще и дома почти все время торчал, воспитывал их обоих – постоянно, до зубной боли.

Впрочем, Лия – уже потом, когда выросла, – оценила еще один плюс отцовской системы. В лихие, непонятные, отчаянные девяностые строгий отцовский регламент и его непоколебимое знание, *как надо*, давало хотя бы минимальную стабильность.

И все в их жизнях могло сложиться вполне нормально.

До пятнадцати-шестнадцати лет их бы с Борькой держали в узде, а дальше – пойти в училище, съехать в общежитие, ешь что хочешь, и никакой больше гимнастики босиком на снегу.

Но когда Борису было четырнадцать, а Лие девять, в семье случилась беда.

Лето и все каникулы они проводили в деревне, а на время учебы перебирались в столичную квартиру. Лие с Борисом в Москве нравилось куда больше. Никакой тебе трудотерапии в огороде, и достать вредной еды куда больше возможностей.

Отец их от влияния улицы ограждал, требовал, чтоб сразу после школы домой, но Борька с упоением врал про классные часы, концерты и прочие активности – и для себя, и для маленькой Лии. Третьеклассница свободой не злоупотребляла – ходила после школы к подружке: грызли чипсы, смотрели мультики по видео или рекламу без разбору по всем каналам. А Борис постоянно что-то придумывал – вместе с друзьями фары машинам протирали на светофорах, на спор из магазинов таскали всякую мелочь, петарды самопалили, стрелки-разборки устраивали со старшеклассниками.

Пару раз попадались, но жалобы, по счастью, попадали к маме, та грустила, плакала, укоряла, но отцу не выдавала никогда.

Приближался новый, 2001-й, год, следующее тысячелетие. Лия скромно ждала от Деда Мороза особенного подарка, Борис готовился к торжеству с размахом. Обзавелся бутылкой шампанского, многозарядным фейерверком и хвастался сестренке:

– Эх, зажжем!

– Как? – удивлялась Лия.

Ее на Новый год приглашала подружка. Мама девочки даже родителям звонила, уговаривала отпустить, но отец сказал строго: «Семейный праздник, из дома ни ногой».

– А я не буду с этими занудами сидеть. Сбегу, – заверял брат.

И не испугался ведь!

Часов в девять вечера выпросил у мамы *порушение* – сходить за хлебом. Сунул в карман мелочь, пакет, подмигнул Лие – и домой не вернулся.

Отец с каждым часом мрачнел. Мама трепыхалась, хотела звонить в «Скорую», в полицию, но батя играл желваками:

– Не надо. Нагуляется – сам с ним разберусь.

Мобильники на излете тысячелетия имелись только у обеспеченных, пейджеры отец называл происками дьявола. Борькин одноклассник (единственный, кого родители знали) сказал, что в компьютерном клубе вроде как планировался

последний баттл тысячелетия и Борис туда собирался.

Отец прежде был уверен, что сын вообще не касается электронных игрушек, поэтому набылчился еще больше. Тщетно Лия и мама пытались его развеселить, втянуть в хоровод вокруг елки. А когда пришел Дед Мороз, папа едва взглянул на пушистый свитер, что принес ему волшебник. Зато дочкин подарок (Кен в салатových шортах и чудесной сетчатой майке) его взбесил. Он обозвал игрушку плохим словом и рвался выкинуть в окно. Мама умоляюще прижимала к груди руки и причитала, что Лия уже второй год пишет в Великий Устюг, просит друга для своей Барби.

Поначалу девочка собиралась сидеть, как большая, минимум до полуночи, но без Борьки тоскливо, и на сердитые лица родителей тоже неинтересно смотреть. Поэтому свободу отвоевывать не стала. Когда папа велел идти спать, схватила Кена и вместе с ним дисциплинированно отправилась в кроватку. Взрывы фейерверков и радостные крики, возвестившие приход нового тысячелетия, слышала в полусне. А утром проснулась от чужих мужских голосов на кухне.

Посмотрела на часы: девять. Странное время для гостей первого января. Схватила нового своего друга Кена, босиком прокралась по коридору, выглянула, пискнула еле слышно: милиционеры. Отец сидит – на щеках красные пятна пылают. А мама плачет горько.

Ее, конечно, сразу прогнали. Но полицейские говорили громко, и Лия даже сквозь стену разобрала: Борька вместе

с приятелем пытался обнести богатую соседскую квартиру. И попался.

Она ни секунды не верила, что умный, сильный, добрый, потрясающий брат может оказаться вором. Боря мог хулиганить по мелочи, сырок творожный или булочку в магазине незаметно слопать или под курткой вынести. Но он никогда бы не совершил настоящего зла.

К счастью, милиционеры оказались не зверями и сами предложили парня *отмазать*. Вернуть украденное, повиниться перед соседями, заплатить компенсацию и дело замять.

Мама чуть ли не впервые повысила голос, крикнула:

– Конечно! Мы согласны!

Но отец усмехнулся:

– Ты полагаешь, я стану жить в одной квартире с преступником?

Лия совсем забыла, что ей нельзя встречать во взрослые разговоры. Вбежала на кухню, завизжала, затопала ногами:

– Папа, папа! Давай Борьку вернем! Пожалуйста!

Но он сурово повторил:

– Если мой сын вор, иметь с ним дел я не буду.

– Не мог Боря, – в отчаянии прошептала мама. – Оговорили его.

Милиционер взглянул с сочувствием. Мягко сказал:

– К сожалению, все против них. Взяли с поличным. Да они уже и признались.

– Значит, Боря просто не успел подумать, – твердо сказала Лия.

– Мальчику всего четырнадцать лет, мы понимаем, – улыбнулся человек в форме, – поэтому и предлагаем ему загладить вину.

И снова мама, непривычно решительно и громко, произнесла:

– Хорошо. Сколько?

Полицейские переглянулись. Один из них достал из внутреннего кармана блокнот, ручку. Но успел написать только единичку – отец взорвался:

– Я не буду давать вам взятку! Мой сын украл – значит, пусть отвечает по закону!

И сколько мама потом ни плакала, ни умоляла – поколебать его упертость не смогла.

Борьку осудили.

Лия не хотела терять брата. Хоть в тюрьме, хоть где – все равно родная кровь. Ее лучший друг. Но на свидания девочку не пускали. На письма Борька не отвечал. А когда в семнадцать лет вышел – поговорили только однажды. Она шла к нему радостная, с подарками, с фруктами. В детской памяти оставался прекрасный, заботливый, благородный принц. Но увидела совсем постороннего. Рот без нескольких передних зубов, причмокивает противно. Смолит сигарету без фильтра. Хлебает (в десять утра!) алкогольный коктейль из железной банки.

Встретил сестру словами:

– Какая ты страшная, Лийка, стала! Вся морда в прыщах.

На рисунки ее даже не взглянул, апельсины равнодушно отшвырнул:

– Ладно. На закуску сойдет. Водку будешь?

– Боря, – прошептала она. – Что с тобой сделали?

Он осклабился:

– Ты чего вообще явилась?

Борька был в майке, и вены – она увидела в ужасе – все исколоты.

Двенадцатилетняя девочка прошептала:

– Спасти тебя хочу!

Но брат заржал:

– Малявка! Нужна ты мне!

Выпихнул из комнаты и захлопнул перед ее носом дверь.

Сестра еще несколько раз ходила – ждала у общежития, где Борис поселился, караулила у стройки, куда он устроился на работу. Он продолжал ее гнать – грубо, с матом. А через несколько месяцев снова сел, на этот раз за грабеж – как раз исполнилось восемнадцать, поэтому вlepили по полной.

Лия снова писала ему. Борис по-прежнему не отвечал. И сестра отступилась. Постаралась его тоже вычеркнуть из сердца. Как научилась вычеркивать все саднящее, неприятное, болезненное.

Поговорить решили без посторонних ушей.

Борей отменил все процедуры после шести и предупредил, что не придет на ужин. Лия в начале седьмого встрети-лась с ним у проходной.

Самокат остался на велопарковке. Санаторий в самом центре, навстречу пациенты после вечернего водопоя бредут, здороваются с медсестрой, сверлят любопытными взглядами. Борис усмехнулся:

– Нас принимают за пару.

– Какое это имеет значение!

Никак ей не верилось, что брат вернулся, да еще в обра-зе прекрасного принца. Лия медик и знала: те, кто колется, почти никогда не выбираются из болота. Да и какие шансы, если в восемнадцать лет у тебя уже второй срок, да еще на строгом режиме? Но Борис совсем не выглядел уголовни-ком. Цвет лица прекрасный. Ногти отполированы, ботинки с логотипом, где мужик на лошади (старшее поколение объяс-нило – бренд дорогой). Галантный, клевый, и голос ему буд-то специально ставили, как артисту.

– Ты почему имя поменял? – потребовала ответа Лия.

– Да просто прикалываюсь, – усмехнулся он. – Борисов много, а Борей – один.

Едва выбрались из курортной толпы, сестра жадно спро-

сила:

– Как ты сумел?

Отец бы мигом пригвоздил, что не умеет формулировать.

Но единокровный брат понял:

– Ты считала, я давно спился? Скололся? Сдох под забором?

– Ну... или каким-нибудь вором в законе стал.

– Может, я он и есть, – усмехнулся Борей.

– Врешь. Я бандитов с ходу вычисляю.

– Ты еще и психолог, «солнышко»? – ее прозвище он произнес с насмешкой. – Но ладно, угадала. С криминалом дел не имею.

– Говорят, оттуда не вырваться.

– Можешь смеяться, но на меня просветление снизошло.

В двадцать лет. Я тогда второй срок мотал, от ломок мучился, от бессмысленности жизни. И решил покончить со всем. Но прежде чем вешаться, захотел посмотреть, как на зоне хоронят. И увидел, как. В ящике из гнилых досок. Без отпевания, без прощаний. Вместо имени на могиле табличка с номером. Ни человека, ни памяти о нем. Такая вдруг злость разобрала. Что ж я за идиот – по течению плыть? Тем более не сам путь выбирал – отец в болото столкнул. Ну и решил, ему назло, выползать. В честную, – он подмигнул, – жизнь.

– Честные в двухкомнатных люксах редко живут, – парировала она.

– Да уж, санаторий у тебя дорогой. Пришлось кредит

братъ. Один миллион наличными в день обращения.

– С ума сошел?

– Люблю в глаза пыль пускать.

Лия сама слегка запуталась в кредитах, но как можно последнее на номер люкс тратить, когда у них и «стандарты» вполне приличные?

Спросила:

– А чем вообще занимаешься? Бизнес?

– Ну, типа. Проги пишу. Приложения делаю. Скажи лучше, как ты, сестренка? Всем улыбаешься, помогаешь. Это я выяснил. А тоску как снимаешь? Коньячок в одиночку? Селфхарм? Или, может, с риферами гуляешь? У вас тут заброшек много.

Да. Сколько лет прошло, а Борька ее по-прежнему насквозь видит.

Хихикнула:

– Да, ты прав. Солнышком я для самозащиты стала.

– «Плачет ночами та, кто идет по жизни смеясь», – подхватил он.

– Песню слышала. Но это не про меня. Когда совсем хреново, я не плачу, а скупаю всякую дрянь.

– Дурь?

– Ты все о своем. Нет. Именно что бесполезную дрянь. В интернет-магазинах. Ночью лежу, лежу, уснуть не могу. И начинаю время убивать. Вроде просто посмотреть захожу. Но сравню, отзывы почитаю. И обязательно что-то себе куп-

лю. Сегодня вот должны шапочку с шарфом привезти. Но-жеточку. И настойку восковой моли.

– О боже. Моль-то тебе зачем?

– Народ хвалит: для иммунитета хорошо. В сезон простуд.

– Да, Лийка. Мы с тобой, похоже, два моральных уroda, – лицо закаменело, взгляд стал злым.

Она не считала себя ущербной. Но вытравить из памяти, как поступил с ними обоими отец, нелегко, тут Борей прав.

Впрочем, и брат хорош. Мог бы, раз начал *выгрывать*, сестренку прихватить с собой. Или хоть весточку о себе по-дать.

– Ты почему не отвечал мне? Я тебе столько писем отпра-вила.

– Из тюрьмы не хотел. А когда вышел, тем более.

– Почему?

– Не люблю выглядеть жалким. Ждал, пока смогу на коне явиться. Как сейчас.

– Ты дурак. Мне было так тяжело одной.

Борька (какой он там *Борей*) с ненавистью сказал:

– Скажи папуле спасибо. Всю жизнь нам обоим сломал.

В носу защипало. Прошептала:

– Ну вот зачем? Зачем ты напоминаешь? Я так старалась: вычеркнуть. Забыть.

– Скажи еще, что простила его.

– Как я могу? После того, что он сделал с тобой?!

– Ну, он и с тобой тоже не очень по-родственному посту-

пил.

Лия поморщилась. Спасибо, конечно, что не колония для малолетних, но пять лет в школе-интернате, куда отправил ее отец, оказались далеко не сахаром.

– Ты с ним общаешься? – спросил он мимоходом.

– Нет.

– А он на связь не пытался выйти?

– Пытался. Когда я уже здесь жила. Я симку поменяла и все профили в соцсетях удалила. Отстал.

– Ты хочешь его окончательно раздавить?

– Я вычеркнула его из жизни. Разве этого мало?

– Полагаю, что папа наш заслужил много большего. Я ведь глаз с него не сожму.

– Зачем?

– Жду, когда представится возможность. Отплатить добром за добро. Он по-прежнему эзотерик, энергопрактик. Последовательницы имеются. Немного. Человек сто. И сейчас, – Борей остановился, развернул ее лицом к себе, – наш прекрасный родитель здесь.

– Где? – побледнела Лия.

– Тут. В Целебноводске.

– Меня приехал искать?

– Зачем ты ему нужна? Нет. Папочка наш отдыхает по социальной путевке в санатории «Мечта». Но цель у него не просто оздоровиться. На своем сайте широко огласил: планирует одиночное восхождение к водопаду Каракая-Су. Зна-

ешь такой?

– Ну да. Там какие-то меридианы сходятся. Сгустки энергии. Йоги ездят. И всякие прочие сумасшедшие.

– Вот и папуля: с высшей сущностью хочет встретиться. Сейчас ноябрь, в горах давно снег лежит. Как думаешь, много будет народу у Каракая-Су глубокой ночью?

– Скорее всего, никого.

– Я тоже так думаю. Этим и воспользуемся.

– Что ты хочешь с ним сделать? – спросила Лия в ужасе.

Брат расхохотался:

– Не делай круглые глаза. Убивать его я не собираюсь. Не дурак: новый срок из-за этой гниды хватать. Просто явиться к нему – когда будет ночью один, перед лицом вечности. Напомнить о всем добре, что сотворил. Напугать как следует. Ты со мной?

В детстве Лия принимала идеи старшего брата безоговорочно. Но сейчас сказала твердо:

– Мне надо подумать.

Давить он не стал:

– Думай. Папуля планирует свою экспедицию на субботу, когда не будет процедур. Сегодня четверг. У меня есть время посмотреть город. Покажешь?

Лия вздохнула с облегчением.

– Смотреть тут особо нечего. Питьевые галереи девятнадцатого века, странно, что до сих пор не рухнули. Грязелечебница старинная, цари ездили. Десяток санаториев. Культ

писателя. Довольно скучного, на мой взгляд.

– Я хотел съездить на место его дуэли.

– Ничего особенного. Просто парк и памятник. Но экскурсоводы местные всячески нагнетают. Мой сосед, – она хихикнула, – например, утверждает, что официальная версия, будто Лермонтов обидчика мартышкой назвал, для школьников придумана. Хотя в реале писатель по поводу половых возможностей Мартынова высказался. В присутствии его девушки.

– А в Целебноводске Лермонтов бывал?

– Нет. Но на экскурсии по городу тебе обязательно покажут скамейку, где он целовался с какой-то там княжной.

– Мэри.

– Наверно.

– Ладно. По поводу культуры я понял. Как у вас с ресторанами?

– Из приличного только кавказская кухня. Но у тебя ведь больной желудок, – улыбнулась Лия, – а там все острое.

– Нормальный у меня желудок и путевка просто оздоровительная. Так что веди. В лучший шалман, куда все местные ходят.

– Туда не могу никак. Я здесь живу и практически кавказская девушка. Один раз появилась с мужчиной – все. Ты уедешь – мне потом проходу не дадут.

– Хорошо. Тогда поехали в Кисловодск.

И немедленно вызвал такси – естественно, класса люкс.

Не умеет Лия отключаться от тяжелых мыслей – давно бы сошла с ума, еще в интернате. Но как привыкла на лицо улыбку навешивать, так научилась и мозг переключать.

Когда вышла из такси (чтоб не радовать любопытных соседей, в паре кварталов от дома), еще на улице кинулась смотреть мессенджеры. И обнаружила видео с незнакомого номера.

Пятьдесят секунд ее сегодняшнего утреннего подвига.

Вроде бы по факту ничего особенного: прыгнула в фонтан, вытащила котенка. Но ракурсы видеооператор выбрал шикардосные. Музыка наложил зачетную. И смонтировал отлично.

Какая там «сторис»! Такое – без вариантов – надо в «Тикток» выкладывать. Тем более давно мечтала там засветиться.

Прибежала домой и немедленно занялась: зарегистрировала аккаунт, заливала видео.

Народу зашло сразу!..

Пока заваривала чай – уже тысяча просмотров. Сбегала в душ – еще плюс пять к. В Ватсап шлепнулось письмо от ее утреннего знакомого:

– К утру будет минимум сто тысяч. А то и двести. Меня, кстати, Юра зовут.

Отправила в ответ смайлик. И начала шарить в интернете: сколько «Тик-ток» платит? Пять долларов за миллион просмотров. Не впечатляет. Но если хотя бы десять тысяч человек подпишутся, уже можно контракт на рекламу получить.

Лия без социальных сетей себя не мыслила. Но выкладывать фото завтраков или селфи с памятником Лермонтову не круто. Совсем другое дело – подвиг с котейкой, да еще правильно снятый.

А просмотров-то уже – двадцать тысяч! И лайков огромная куча.

Смайлика за такое мало. Отправила большие спасибо и даже губки-поцелуйчик, имя занесла в адресную книгу. На часы старалась не смотреть.

Время – давно за полночь. А ей завтра на работу к восьми. Заставила себя лечь в постель, закрыла глаза. Но каждые минут десять не удерживалась, проверяла, сколько просмотров.

И только в два провалилась в тяжелый сон.

А в шесть утра телефонный звонок. Юра. Трусливый мужчина и талантливый режиссер. Хохочет:

– По деревьям лазить умеешь?

Спросонья совсем ничего не поняла, спросила хрипло:

– О чем ты?!

– Я в парке. Твой кот сумасшедший на дуб залез. На самой вершине сидит. Тот же самый. Так что прилетай. Будем опять спасать.

Федор Олегович деньги считать умел – что остается, если вынужден выживать на пенсию? Но хотя продуктами отоваривался в будни до часу дня, чтоб со скидкой, и в санаторий поехал по бесплатной путевке, на дорогое сердцу средства выделял.

Экспедицию к водопаду Каракая-Су он задумал давно и планировал тщательно. В Минеральные Воды быстрее и дешевле добраться на самолете, но мужчина приехал на поезде. Привез без переплаты за багаж палатку, спальник, термобелье, теплую одежду и даже керосинку, чтоб иметь возможность согреться холодной ночью горячим чаем.

Заранее, еще из Москвы, начал вести переписку с местными экскурсоводами. Поездки в горы обычно заканчивались в октябре – с ноября погода становилась непредсказуемой. Но отдельные смельчаки рисковали. Кто вот только согласится – построить маршрут под его потребности, днем отвезти, а на следующее утро забрать?

Поначалу Федора Олеговича уверяли: самому никак не получится. Лютый холод, волки, рыси, одного вас не оставим, ибо несем ответственность.

Пришлось скрепя сердце намекнуть, что готов на повышенный тариф. И проводник нашелся – восемнадцатилетний парень предложил доставить на отцовском «уазике».

Федор Олегович сильно подозревал, что водительского удостоверения юноша не имеет и отец, владелец машины, про экспедицию ведать не будет. Но когда за ВИП-тур тридцать тысяч драли, а мальчишка за пять согласился, сложно отказаться от выгодного предложения.

Прогноз погоды не благоприятствовал – обещали сильную облачность, возможен дождь и снег. Пацан начал трепыхаться: колеса лысые, дорога обледенеет, не проедем.

Пришлось сделать широкий жест: поднять ставку до семи тысяч рублей.

И в субботу, ранним утром, когда холодное светило только выглядывало застенчиво из-за гор, к санаторию «Мечта» с громким рыком подлетел его личный транспорт.

Федор Олегович с неудовольствием отметил, что машина грязная, без глушителя, стекло лобовое треснуто. И пацан – зеленый совсем, нечесаный, сопли утирает рукавом.

«Как бы в пропасть с ним не улететь», – мелькнула опасливая мысль.

Но сдаваться (тем более когда об экспедиции на его сайте официально объявлено) Федор Олегович не привык.

Погрузил палатку и рюкзак в багажник, сел в машину, строго спросил:

– Где у вас ремень безопасности?

– Нету, – заржал мальчишка. – Это ж «уазик», какая тут безопасность?

Федору Олеговичу стало совсем тревожно. Предвкушал

скользкую дорогу, неуправляемое боковое скольжение. Но даже подумать не мог, что опасность надвигается совсем с другой стороны.

Ни он, ни его юный водитель не обратили внимания, что от самой «Мечты» вслед за ними движется огромный, вызывающе лакированный «Ранглер».

* * *

Система проката автомобилей в Целебноводске представлена в основном «Ладами», но Борька оказался упрямым и джип все-таки разыскал. Строгое предупреждение – «за пределы Ставропольского края не выезжать» – его не смутило:

– У вас не Москва, камер мало.

Лия в Кабардино-Балкарии бывала и боялась, что брат просто не представляет, насколько тамошние дороги отличаются от образцово-показательных столичных трасс. Сосед-экскурсовод Левушка любил показывать видео – как выводит свое авто из заноса на заснеженных горных тропах. Но Борей отмахивался:

– Джип на зимней резине где угодно пройдет. А вот папуля на своем «уазике» запросто может в обрыв улететь.

Впрочем, хоть водитель и юнец, а плелся, словно старый дедушка. Тащиться вслед за ним на черепашьей скорости даже Лие казалось тоскливо, а уж взрывной Борька только глаза закатывал, причитал:

– Хуже автобуса похоронного!

Миновали Кисловодск, въехали в Кабардино-Балкарию. Ям на дороге прибавилось, но машины с местными номерами лихо их обгоняли. Каждый водитель своим долгом считал миновать на максимальной скорости, обрызгать грязью и снисходительно при этом улыбнуться.

– За сопляка меня считают, – страдал Борей.

– Тебе не все равно? – удивлялась Лия.

– Стыдно на хорошей машине еле тащиться.

Да, выделяться у брата в крови – не стал бы иначе кредит брать на то, чтобы жить обязательно в люксе.

Но волочиться за «уазиком», нет спору, и скучно, и подозрительно. Поэтому Лия предложила:

– Мы ведь знаем, куда конкретно они едут. Можем их обогнать и посмотреть пока скалы Аватара. Хочешь?

– Это что такое?

– Ну... просто скалы. Похожие на те, что в фильме. И если там в пропасть орать, эхо сумасшедшее будет.

– Давай!

– Тогда тормози вот здесь, у кафешки.

Насколько Лия помнила, то был последний оазис цивилизации перед дикой красотой гор. Борька с интересом изучил дощечку меню, что стояла перед входом, оживился:

– Кутабы. Кофе на песке. Зайдем?

– Там очень бдительная хозяйка. Запомнит нас надолго.

Неразумно афишировать нашу экспедицию.

– Да, ты права.

Обошли кафе, прогулялись по тропинке – завершилась она у опасного провала.

Борька выхватил телефон:

– Ух, красотища. Скалы складчатые! Правда, как в кино. Становись, сниму!

– Меня-то зачем? Я местная.

– У тебя улыбка – как солнце здесь. Это надо запечатлеть.

Рассмеялась:

– Ну, если так, то давай. Приятно быть любимицей режиссеров.

– У тебя их много?

– Ну... ты второй.

– А кто первый?

Как не похвастаться! И время есть поболтать.

– Некто Юрик. Он меня для «Тик-тока» снимает. Я, кстати, там звезда. За два дня – почти миллион просмотров.

– Да ладно! Покажи!

– Только не смейся.

И показала брату целых три ролика. Котенок в фонтане. Он же – на дереве.

И последний Юрин шедевр – его сделали вчера.

С темой сюжета вышел спор. Ютьюбер считал: раз народ зацепило, надо продолжать кошачью тему. Изловить того же (ну, или похожего) усатого-полосатого бедолагу, закинуть его, к примеру, на крышу заброшки. И в очередной раз

выручить из беды. Но Лия воспротивилась:

– Я, конечно, не специалист, но, по-моему, с котиками перебор. И нехорошо специально животное мучить.

– У кошек девять жизней. Зато ми-ми-ми – беспрорышное.

– Давай лучше кого-то по-настоящему спасем.

– Есть варианты?

– Ну... я недавно в Минеральные Воды ездила. И услышала: во дворе частного дома скулит собака, очень жалобно. Забор не глухой, видно отлично: совсем щенок, еще лапы разъезжаются. А хозяин его на цепь посадил. Малыш плачет, мамку зовет.

– И что ты предлагаешь?

– Перелезу через забор и заберу его.

– А хозяин подстрелит.

– Увернусь.

– И куда дальше того щенка?

– Себе возьму.

– «Угон быка из Куальнге»¹.

– Чего?

– Не бери в голову. Я к тому, что эпичная ты девушка.

– Но разве не свинство: малыша беспомощного на цепь сажать?

– Как иначе вырастить его сильным и злым?

Лия вспомнила про отца с жесткой системой воспитания,

¹ Ирландский эпос. Уладский цикл ирландской мифологии.

усмехнулась:

– Этот метод не всегда работает. Ну что? Поедем?

– Если поймают, спасти тебя не буду.

– Да я уже поняла – ты не по этой части.

Не обиделся:

– Каждому свое. Кому-то драться. Кому-то творцом быть.

Лия за исход авантюры тревожилась. Кавказ – это вам не мягкотелая средняя полоса, где обматерят или в крайнем случае солью пальнут – тут могут и прирезать.

Но обошлось – хозяина дома не оказалось. Лия без помех преодолела невысокий забор. Арматурные ножницы не понадобились – цепь к ошейнику крепилась за карабин. Щенок – в отличие от неблагодарного котенка – к Лие прижался, благодарно заскулили. Юрик заорал:

– Стой смирно! Крупный план снимаю!

Из соседнего дома выглянула старуха:

– Вы что творите?!

Лия щенка под куртку, прочь от конуры, перемахнула через забор – и бежать, блогер за ней.

Бабка попробовала броситься в погоню, но быстро отстала.

А ролик получился – просто загляденье.

– Мне уже и первый рекламный контракт предложили, – похвасталась Лия. – Собачий корм продвигать.

Борис сказал, почти с завистью:

– Интересная у тебя жизнь.

– Не жалуясь. Хозяйка квартирная, правда, хотела меня выгнать вместе со щенком. Но я ее уболтала. Так что теперь у меня новый друг. Поршем назвала.

Борей заржал:

– Почему Порш?

– Люблю скорость.

Брат показал на лошадь, что паслась неподалеку со спутанными ногами:

– Собачек с кошками на твоём канале уже перебор. Спасешь, может, ее? А я сниму.

– С конем в дом точно не пустят, – развеселилась Лия. – Ладно, давай есть уже.

Удивительно легко ей с Борькой. Прямо жаль, что брат, а не потенциальный сердечный друг.

Устроились над пропастью, на большом мшистом камне. Лия достала скромную вареную колбасу. Борею в санатории собрали целый экскурсионный мешок – там и салями, и помидорчики, и булочки ее любимые. Выпили кофе из термоса. Полюбовались складками-скалами, покричали в пропасть, послушали, как отзывается эхо. Когда шли обратно, Борей со смехом предположил:

– «Узик», наверно, успел от нас оторваться – километров на пять.

– Поймаем. На Каракая-Су дорога одна.

Лию горный воздух опьянил – пустилась вскачь. Борей

притворялся, что хочет поймать, она хохотала, уворачивалась. Как не хватало ей все эти годы надежного, близкого человека рядом!

На парковку вышли запыхавшиеся, счастливые, румяные. А у кафе – вот злосчастье! – с папироской стоит сосед Левушка. Ну, конечно. Суббота. День экскурсий. Можно было ожидать.

– Блин, – прошептала Лия, – уходим!

Но тот орлиным взором кавказским углядел, загрохотал:

– Так-так! С кем это мы тут?!

Она мигом стерла улыбку с лица. Сухо сказала:

– Привет.

Лева взглянул неласково. Ледяным тоном попросил:

– Познакомь меня со своим молодым человеком.

– Борис. Лева, – представила она.

Экскурсовод испепелить готов, брат улыбается:

– Кто сей горец с большим кинжалом²?

Лия не сильна в классике, но эту цитату знала. Эх, не с тем человеком Борька острит. Левушка туристов по лермонтовским местам возит и Михаила Юрьевича горячо осуждает. Лию убеждал, что классик сам в своей гибели виноват – нечего было Мартынова доводить.

– Я тебе щас дам горца, – побагровел сосед. – А ну отошел от девушки моей!

² Подпись под карикатурой Лермонтова на Мартынова. Считается, что именно она стала поводом для вызова писателя на дуэль.

– Это твой парень? – с сомнением спросил Борей.

– Нет, конечно. Просто сосед.

– Ну и сам иди тогда лесом, – посоветовал брат.

Лия примирительно сказала:

– Лева, что ты, правда? Я тебе никогда повода не давала.

– Так понятно, почему не давала! – отозвался запальчиво. – Искала себе джип подороже!

Она старалась не хамить местным, но тут даже ангельского терпения не хватит. Выпалила:

– Захлопнись, дебил.

И поспешила к «Ранглеру».

Сосед зловеще выкрикнул вслед:

– Ладно-ладно! Попомню тебе.

Борей притормозил, развернулся к нему:

– Что ты сказал?

– Боря, все, хватит, – взмолилась Лия.

В машине сказала брату:

– Не бери в голову. Этот Левушка несчастный какой-то.

Вроде профессия располагает – экскурсовод, на своем джипе, постоянно туристок-красоток фотографирует, в Инстаграм свой выкладывает. А жениться никак не может. Пару раз какие-то девчонки оседали у него, но быстро сбегали.

– Не обидит он тебя? – спросил с тревогой брат.

– Пусть попробует, – фыркнула Лия.

– Не понимаю, как ты вообще выживаешь в местном колорите? В кафе не сходи, перед соседом оправдывайся. По-

ехали со мной в Москву! Найдем тебе там дело.

– Да ну. Пациенты-москвичи – самые несчастные. Напряженные, вспыльчивые. Недельку отдохнут – хоть на людей становятся похожи.

– Зато в столице динамика. А у вас тут болото.

– Если стану крутой тиктокершей, тогда подамся, конечно, к вам. Поближе к светским тусовкам.

Дорога медленно, но неуклонно поднималась все выше в горы. Лия предупредила:

– Сейчас будет тeneвая сторона. Там наверняка снег.

Боялась, что Борей красоваться начнет, но тот сразу сбросил скорость, сосредоточился на дороге. Когда снова выехали на сухой асфальт, спросил:

– А этот водопад – совсем дикое место?

– Ну... айран продают, сыр домашний. Курортный сбор берут – с выдачей чека. Но если ты про отели с ресторанами, то ничего такого.

– И туристы все точно разъезжаются *до темноты*?

– Обычные да. Йоги и разные прочие тоже только летом ночуют. Зимой опасно. Холод адский, ветер может подняться, лавина сойти. Так что наш папаша герой.

– Посмотрим... какой он герой, – лицо Бориса заледенело. Девушка внимательно посмотрела на брата.

Официальная версия гласила: они явятся к бате, когда тот не ждет. Используют эффект неожиданности. Слегка испугают.

Но сейчас Лия начала подозревать: у Борея на уме, похоже, нечто иное, чем просто высказать детские обиды.

Спросила со страхом:

– Борька. Что ты задумал?

Суровая складка меж бровей мгновенно разгладилась:

– Лиечка, ну я же тебе сказал. Просто милая семейная встреча.

«Зачем я вообще согласилась с ним ехать?»

Но Борьку обратно не развернешь. И из дела выходить тоже поздно. Тем более самой до цивилизации все равно не добраться. Только если у Левушки милости просить.

* * *

Двадцать два года назад

В среде обывателей считается: тюрьма – ад, и коли там оказался, жизнь закончилась – унизят, «опустят», низведут до уровня животного.

Борька тоже ждал: голода, издевательств, жестоких «прописок». А оказалось – ничего, нормально. Койка собственная имелась, и белье, и душ, и кормили – ха-ха! – даже иногда мясом, повкуснее, чем домашнее сыроедение.

В тюремном регламенте он не разбирался, но интуитивно повел себя правильно. Не юлил, не гоношился. С тертыми калачами разговаривал уважительно. Себя не выгораживал. Статья тоже не позорная. Хотя сам поверить не мог, что по-

пался – *за такое*.

Красть – в масштабах, чтобы срок получить, – Борис не дурак. Когда по мелочи в магазинах подворовывал, прекрасно знал, куда можно соваться, а куда лучше не надо. В дорогих супермаркетах управляющие жалостливые, иногда даже делают вид, что не заметили. В магазинах попроще выносили мозг, могли и по шее дать. А к «Ашану» даже близко нельзя подходить – там за любую ерунду десять тысяч отступных требуют или сразу в полицию.

Тридцать первого декабря двухтысячного года воровать он не собирался. И в чужую квартиру попал случайно.

Все из-за соседей. С ними Борька враждовал с малолетства. Те жили в квартире этажом ниже и вечно бегали к родителям жаловаться: дети топчут. Дети кричат. Окурки на их балкон швыряют – и бесполезно объяснять, что сверху еще три этажа. Хотя сам сосед, как и супруга его, – те еще перцы. Он бухал, жена пьяного в квартиру не пускала. Тот вытрезвлялся во дворе. Участковый считал его мирным, не тревожил. Сосед и правда не буянил. Но, когда под газом, доставал всех конкретно – особенно подростков любил жизни учить.

А супруга его в другом отличалась. Она хронически не умела парковаться. Когда в очередной раз цепляла заборчик или бордюр, народ не возражал. Но и вход в подъезд могла загородить, и машину чужую зацепить (честно признаться и заплатить за ремонт не предлагала, а видеокамер повсюду

тогда еще не было). Борьке после доноса соседей пару раз изрядно влетало от отца, поэтому враждовал с упоением. И дохлую кошку под дверь приносил, и протухший квас в почтовый ящик выливал.

Однажды теплым осенним вечером пьяный сосед сладко спал на лавочке у подъезда. Борька с приятелем проходили мимо, увидели – на скамейке валяются ключи, вылетели, видно, из кармана. И пацаны не удержались: ключи забрали, а в карман от души навалили красной слизи из магазина приколов.

Когда мужик протрезвел, в очередной раз явился с претензией: будто бы видел – именно Борька ему одежду испортил. Подростку традиционно влетело от папаши. Но про ключи ничего сказано не было, и те так и остались валяться в ящике Борькиного школьного стола.

Однажды его приятель – с кем вместе лили слизь – спросил:

– Как думаешь, сменил этот перец замок?

– Наверно. Что ж он – дурак?

– А давай проверим.

Убедились, что никого дома нет, попробовали и обалдели – ключи подошли.

– Надо вернуть, – запоздало раскаялся Борька.

– Зачем? – удивился приятель.

– Ну а нам они на фига?

– Да хотя бы... Новый год скоро. А этот хрен уже всему

двору растрезвонил: они в Таиланд едут. Под пальмой будут встречать. Сечешь?

– Нет.

– Мы ж собирались в парке бухать. А там холод, сыро. Менты могут докопаться. А тут, прикинь! Отпросимся гулять. Зайдем. Да и отметим культурно. В тепле.

Борис авантюры обожал, но эта по сердцу не пришлась. Звучало вроде безобидно – просто вроде как зайти и встретить праздник в чужой квартире. Но если кто увидит? Донесет? Отношения и без того накалены. А за вторжение вредные люди обязательно отомстят. Придумают: вещи из дома пропали. И будешь отвечать за то, что не делал.

– А если у него на охране квартира? – с надеждой спросил Борис.

– Если на охране, перед дверью должна мигать красная лампочка. А там ее нет, – уверенно сказал его более старший приятель.

Дружок учился в десятом классе, тоже любил пошкодить, в магазине то-другое стащить, но при этом учился неплохо, мечтал поступить на химический факультет. Объяснял: «Специальность перспективная. Хоть наркоту бодяжить буду, хоть в фармбизнес пойду».

Борька всегда уважал целеустремленных, да и интересно: друг показывал, как делать самопальные петарды, бодрящий чай готовил – сразу глаза на лоб и энергии через край. Поэтому на приключение все-таки согласился, и в девять вече-

ра – до нового тысячелетия оставалось три часа – встретились в подъезде. Прошли на соседский этаж. Квартира расположена удачно – в дальнем углу. Дверь рядом деревянная, без глазка, а больше ниоткуда не просматривается.

Борька дергался, озирался. Друг вполголоса хихикнул:
– Не ссы!

Уверенно (будущий химик!) натянул латексные перчатки и вставил в замок ключ.

Проскользнули в квартиру. Приятель строил из себя опытного: свет включить не позволил, сначала шторы задернул.

Борис, хотя знал точно: соседи не появятся, все равно тревожился. А друг, наоборот, ликовал:

– Ты посмотри! Как будто нас ждал, стол накрыт!

В гостиной и правда – бутылка хорошего коньяку выставлена, бокалы. Крекеры. Сухофрукты.

– Празднуем? – приятель потянулся наливать.

– Подожди, – остановил Борька. – Помнишь, в новостях показывали? У мужика постоянно дачу грабили, и он на столе водку оставил? С крысиным ядом?

– А ты осторожный, – похвалил друг.

Отвернул у бутылки крышку горлышка, понюхал, пробормотал:

– Херасе. Миндалем пахнет. Понюхай.

– Да. Орешками, – согласился Борис.

– Вот гад! – приятель от возмущения аж осип. – Цианид

где-то раскопал! Мы б щас за минуты сдохли!

– Он, видно, догадался, что это мы ключи сперли. И специально ждал нас. С гостинцами, – предположил Борька.

– Что будем делать? – щеки друга вспыхнули румянцем.

– Если бы мы померли, его в тюрьму. На шесть лет. Как того мужика с водкой, – блеснул познаниями Борис. И робко добавил: – Но пока только нас могут в тюрьму. Пошли, а? Не хочу здесь больше оставаться.

– А Новый год?

– Шампанское же приготовили. Давай в парке и выпьем. Как собирались.

– Ладно, – неохотно согласился друг. – Щас. Подожди. Хоть нагажу в квартире его.

Отправился в туалет. Борька нервно ходил по комнате, разглядывал безвкусный и давно устаревший хрусталь в горке. Лучше б обставил сосед квартиру нормально, чем деньги на Таиланд тратить.

Вышли. Заперли дверь. Отправились в парк. Борька хотел по пути выкинуть ключи в мусорку, но почему-то этого не сделал.

Бутылка шампанского хранилась в дупле трухлявого дерева. Достали, откупорили, отпраздновали. Без друзей и девчонок показалось скучновато – но больше никого на самостоятельное празднование родители непустили, а бежать никто не решился.

Когда возвращались обратно, рядом притормозила мили-

цейская машина. Борис испугался: будут, что ли, на алкоголь проверять? Но по поводу запаха спиртного ни слова. Отвезли в отделение и там огорошили: кража. Есть свидетели. Предъявите личные вещи.

Ох как он пожалел, что не выбросил ключи! Но все-таки надеялся: отделаться хулиганством, незаконным проникновением в чужую квартиру. Про отравленный коньяк собирался рассказывать.

А из кармана у друга извлекли изрядную пачку долларов.

– Зачем ты их взял? – ахнул Борис.

– В смысле, зачем? – буркнул друг. – Вместе брали, вместе тратить собирались.

– Ты охренел? – его затопила ярость, бросился на приятеля.

Милиционеры растащили.

Так и получилось: только пару часов в новом тысячелетии успел на свободе побыть. И оказался за решеткой.

* * *

В камере их было четверо, все постарше, и остальные пациенты на Борькиного друга очень удивлялись:

– На фига он тебя-то сдал? За сговор больше дают.

Сам Борис, когда общался со следователями, все рассказывал честно: что враждовали с соседом давно и когда в его квартиру пришли, собирались просто выпить-похулиганить.

В голову прийти не могло, что друг деньги возьмет:

– Он вроде в туалет только ходил.

Следователи разговаривали почти дружелюбно. День примерно на третий дали понять: преступление не тяжкое, с потерпевшим можно примириться, возместить моральный ущерб и дело отправить в архив. Но, ясное дело, не бесплатно.

На отца Борьке плевать, а перед матерью дико было стыдно. И понимал, конечно, что деньги – из беды его вытаскивать – ей придется доставать, папаня ни копейки не даст.

Когда пришла к нему на свидание, плакал, клялся:

– Мам! На работу пойду! Все тебе возмещу!

А она смотрела жалостливо, вздыхала:

– Какой ты у меня еще дурачок маленький...

После Рождества следователь сказал:

– Все на мази. В понедельник домой пойдешь.

Хохотнул, добавил:

– Знатные у тебя получились каникулы.

Но Борька особо не печалился, что праздники за решеткой провел. Люди вокруг оказались очень даже неплохие, опыт интересный. Даже кое с кем подружился. Собирался на зоне новых знакомых поддерживать – если говорить правильно, то «подогревать».

Но в понедельник его не отпустили. Как не выпустили и во вторник. А в среду следователь вызвал и велел мужаться:

– Беда у тебя в семье. Мама умерла.

У Лии в воспоминаниях эти десять дней зимних каникул – самые страшные в жизни. Мама постоянно плакала. Отец ходил с видом независимым, непреклонным. Несколько раз девочка подслушивала, как мама просила его найти деньги. Десять тысяч долларов. Ее одноклассница хвасталась, что у них только машина стоит пятьдесят.

Но отец отвечал одно:

– Никогда и ни за что.

Тогда мама начала уходить из дома. Возвращалась, приносила какие-то распечатанные листы.

– Что это? – спрашивала девочка.

– Кредит пытаюсь взять. Но мне не дают. Никогда на работала. А квартиру заложить нельзя – потому что дети прописаны.

– Давай я попрошу эти десять тысяч! У кого-нибудь из друзей!

– Кто ж тебе даст, – безнадежно вздыхала мама.

Но Лия попробовала – поговорить с родителями своей лучшей подружки. Получила вместо денег строгий наказ: в гости больше не приходить. Никогда.

Десятого января мама с утра снова ходила в банк и вернулась грустная. Но потом прилегла отдохнуть, а когда вышла из спальни, Лия заметила: у мамочки лицо свеженькое,

глаза подрисованы, губы покрашены. Хотя прежде никогда, даже на Новый год, косметикой не пользовалась. Еще и вместо обычных брюк бесформенных надела платье – свое единственное.

– Ты куда? – потребовала дочь.

– На собеседование. – Торопливо отозвалась. – Хочу на работу попробовать устроиться.

Лия хотела спросить маму, где она может работать, если закончила только один курс института, и зачем для собеседования макияж. Но увидела в ее глазах столько решимости и горя, что даже маленьким своим еще сердчишком поняла: лучше рану не бередить. Поцеловала мамочку, шепнула:

– Я тебя очень люблю.

– И я тебя люблю, милая.

Отец пару дней назад отбыл в деревню – напоследок устроил страшный скандал, что жена отказалась с ним ехать. Лию, к счастью, не взял:

– Как я там с ней один справлюсь?

Мама сказала:

– Собеседование – это долго, я могу прийти поздно. Пожалуйста, веди себя хорошо.

Лия, чтобы хоть чем-то ее порадовать, немедленно кинулась в квартире убирать. Тряпка, пылесос, полы. Потом взялась картину для мамы рисовать – еще час. Дальше книжку читала. За окном давно стемнело, а мамы все нет.

И только в десять вечера в дверь позвонили. На пороге –

опять милиционеры, но Лия их не испугалась.

Те переглянулись:

– Девочка, ты одна? Где родители?

– Папа уехал в деревню. Мама пошла на собеседование.

А Боря, – сглотнула, – Боря пока в тюрьме, но он скоро вернется.

– Отцу как можно позвонить?

– Никак. Телефона в деревне нет.

– У тебя есть еще родственники?

– Нет. Но вы подождите. Мама сейчас придет.

– Видишь ли в чем дело... – пробормотал пожилой милиционер, – боюсь, что с мамой твоей случилась беда.

А дальше у Лии что-то вроде как с головой произошло. Помнила очень смутно: свой плач, перешедший в истерику, потом врачей, больницу.

Она не могла поверить, что мама умерла, – сколько ей ни пытались всунуть горькую пилюлю.

Но через три месяца щадящей детской психотерапии признать все-таки пришлось: не только мамы нет. Еще и Борьке помочь больше некому. Потому что отец своего принципиального решения так и не изменил.

* * *

Уже к семи вечера температура воздуха упала до минус пяти, но Федор Олегович к трудностям был готов. Вязанку

сухих дров прихватил с собой. И на месте, пока не стемнело, успел веток подсобрать. Костер уютно расцветчивал ледяную тьму, в котелке булькала вода. Водопад Каракая-Су грохотал примерно в пятистах метрах.

Выйти в медитацию он планировал ровно в полночь. А пока что максимально утеплился, приготовил спальный мешок и юркнул в палатку. Прежде гордился, что умеет, словно Штирлиц, заснуть, когда нужно, но общение с нытиками из санатория «Мечта» на пользу не пошло. Наслушался о «стариковской бессоннице», и, поди ж ты, – его тоже накрыло. То холодно, то неудобно, то вроде как чей-то вой совсем близко от палатки. Вдруг дети вспомнились.

Судьба вора и хама Бориса его не интересовала. А за Лией приглядывал. Знал, что дочка работает здесь, в Целебноводске. И в нынешний свой приезд сходил однажды на вечерний променад к ее санаторию. Притворялся, будто выбирает продукты пчеловодства в ларьке напротив, а сам наблюдал через стекло витрины, как разбегаются по домам врачи и медсестрички. Оценил здоровый цвет лица дочери, осудил ее лишний вес и особенно электросамокат. Желание подойти, пообщаться подавил.

Женский контингент в «Мечте», где он отдыхал, постоянно трещал о внуках, правнуках, детях. Федор Олегович искренне изумлялся: как могут взрослые, цельные люди настолько растворяться в чужих жизнях? Тратить на наследников невеликие свои пенсии и совсем уже небольшое остав-

шеся время на этой планете?

Лично он категорически предпочитал: не распыляться на привязанности и чужие проблемы, а вместо этого развивать собственное тело и дух.

До восьми вечера откуда-то издалека еще доносились голоса, смех, гудки автомобилей. Дальше его логово накрыла тишина – крошечная и звенящая, как бывает только в горах.

Федор Олегович надеялся: лихих людей здесь нет, а хищников отпугнет костер, но отключиться-расслабиться никак не выходило. Однако заставил себя до одиннадцати вечера полежать, ибо покой тела даже при бодрствовании мозга все равно приводит к успокоению души.

В двадцать три ровно вышел из палатки. Расшевелил костер, съел заранее заготовленный вечерний рацион – курагу с орехами и зубчик чеснока, выпил травяного чая. Ночь обступила со всех сторон – величественная, холодная и манящая.

Федор Олегович взял йоговский коврик, включил фонарик и отправился по еле различимой тропе к финальной цели путешествия – водопаду Каракая-Су.

Нашел максимально ровное место – так, чтобы брызги не долетали, но махину видно, а сырость приятно холодила лицо. Расстелил коврик, тщательно проверил, чтоб под ним никаких неровностей. Устроился в позе полного лотоса. Пальцы сложил в джняна-мудру. Закрыв глаза. На часы не смотрел – и без хронометра знал, что полночь совсем близко.

Сумасшедшая энергия гор и воды захлестнула. Даже малейшего усилия делать не пришлось – мгновенно удалось погрузиться в собственный мир. В состоянии измененного сознания часто слышишь звуки, музыку, люди являются в виде контуров, полутеней, и когда чья-то рука коснулась плеча, Федор Олегович не удивился. Сейчас вселенная передаст послание. Надо только понять, какое именно.

Однако трясли слишком уж реально, и помимо воли он вышел из пограничного состояния, открыл глаза, обернулся. Чудится? Лия. Его дочь. В драматическом черном пальто. Волосы развеваются на ветру.

Как могла здесь оказаться? Или все-таки это видение – удивительно яркое, потому что он находится в месте силы?!

Но тут из тьмы выступил еще один человек. Мужчина. Сильный, широкоплечий. Внешне от строптивного дохляка-сына ничего. Но Федор Олегович узнал сразу. По глазам – пронзительным. Жалящим. Обвиняющим.

– Привет, папа, – доброжелательно произнесла дочь.

А сын перехватил его взгляд и с удовольствием добавил:

– Ссышь.

– Что вам тут надо?

– Не рад, что родные дети пришли навестить? – усмехнулся Борис.

Ох, как теперь раскаивался Федор Олегович, что оповестил весь свет о своих планах. И название места силы выболтал, и дату, когда планирует свою медитацию. Но кто поду-

мать мог, что наследник идет по его стопам? Кто мог вообще подумать, что жалкий вор, ничтожество, алкоголик до сих пор жив?!

Он начал расплетать из «лотоса» ноги, чтобы подняться, но Борис грубо и сильно толкнул его обратно на ковер.

– Сиди уж, папуля.

– У меня здесь машина. И водитель. И в санатории знают, куда я поехал.

– А что ты так нервничаешь? – удивилась Лия.

Борис же злорадно добавил:

– «Уазик» твой уехал шесть часов назад. А в санатории тебя искать начнут в понедельник, не раньше.

Федор Олегович постарался, чтобы голос звучал твердо:

– Борис. Хватит театральщины. Что тебе надо? Давай говори.

– Окей, папуля. Хочу вместе с тобой один счастливый день вспомнить. Последний день тысячелетия. Ты не против?

И Федор Олегович сразу скукожился.

* * *

Двадцать два года назад

Долгими бессонными ночами в СИЗО Борису оставалось только вспоминать. И думать. Саднящую рану, мысли о погибшей маме (формально – мачехе) гнал, слишком больно.

Чтоб загрузить мозг, отвлечься, пытался в уме двузначные числа перемножать. Вспоминал немногие стихи, что вдолбили в школе. И, конечно, бесконечно прокручивал в голове тот злосчастный день – тридцать первое декабря двухтысячного года.

Очень Борьку занимал вопрос: кто все-таки их сдал? Кому в новогоднюю ночь было дело до двух подростков?

На этаж к соседу они прокрались без лифта. У остальных квартир не светились – сразу проследовали в нужный закуток. Видеонаблюдение вряд ли имелось. Как еще их могли вычислить? Какая-то бдительная старуха подглядывала через щелку?

Милиционеры сказали четко: «У нас есть свидетели». Однако ж никакого опознания не проводили. И на прямой вопрос следователь не отвечал, темнил, хотя в целом был настроен дружелюбно.

С приятелем, кто втянул Борьку в эту историю, ему видеться не давали – развели по разным этажам. Однако он сумел передать дружку *маляву*. Ни в чем не упрекал – просил только одно: признаться, кому тот рассказывал о планах на Новый год?

Друг отозвался быстро. Клятвам его, конечно, большой веры нет, но отвечал вроде твердо. Что не дурак и никому не трепался.

А вот Боря стал вспоминать: сам-то не удержался, малолетней сестренке рассказал. Про ключи, о том, что теперь до-

ступ в квартиру противного соседа имеется. О планах встретить там новое тысячелетие не говорил – но хвастался, что «собирается зажечь». Эх, зря. Лийка ведь девчонка совсем. Могла кому угодно проболтаться.

Но не мстить же ребенку. Сам дурак – не мог язык за зубами держать.

Борька до последнего надеялся: ему дадут условно. Но украденная сумма потянула на особо крупный размер, характеристику школа дала плохую, заступиться за парня оказалось некому, и ему вlepили по максимуму – три года в детской воспитательной колонии. Про отравленный коньяк на столе суд даже слушать не захотел – счел информацией, не относящейся к делу.

За день до этапа его вызвал следователь. Попросил держаться, не терять себя. И наконец поведал, откуда стало известно о краже. Выехали в тот день опера по анонимному звонку. О только что состоявшемся преступлении сообщал мужчина. Взрослый. Из телефона-автомата на улице. Он уверял, что видел, как Борис Буянов с каким-то парнем вскрывает дверь в чужую квартиру.

«Вероятно, этот тип тебя прекрасно знал».

* * *

Лия дрожащим голосом пробормотала:
– Не может быть.

А Борька ласково улыбнулся:

– Это ведь ты меня сдал... дорогой папочка?

Федор Олегович молчал. Играл желваками.

Сын продолжал напирать:

– Ты меня терпеть не мог. И знал, что мы враждуем с соседом. И ключи от его квартиры я особо не прятал. И как мы с другом договаривались встретиться, тоже мог слышать. Давай. Скажи уж честно, перед лицом вечности: как все было?

Отец не отвечал. А Лия выкрикнула:

– Боря, я вспомнила! Про тот день, тридцать первое декабря. После того, как ты ушел, папа мусор ходил выбрасывать, в бак на улице! А я за ним в окно наблюдала! И удивилась, что после помойки он отправился не домой, а зачем-то со двора, в сторону магазина. Там телефон-автомат как раз стоял!

– Будь последовательным, батя, – жестко улыбнулся Борис. – У тебя осознанная гражданская позиция. Неприятие воровства. Так озвучь ее. Не стесняйся.

– Гаденьш, – выплюнул Федор Олегович.

И наконец поднялся на ноги. С вызовом взглянул в лицо своему оппоненту.

– Будем считать, что это «да». Отец-иуда. Спасибо за три прекрасных года в колонии под Виллюйском.

– Папа, – голос Лии дрожал, – но Боря ведь твой сын. Родной. Как ты мог?

– Да просто плевать ему на всех, кроме себя, – горько ска-

зал Борей. – Ты на собственную жизнь посмотри. Девочка. Беззащитная. За власть с ним не боролась, против порядков его не бунтовала. Но и тебя вышвырнул в интернат.

– Ну и черт с ним! – выкрикнула Лия. – Как он с нами, так и мы с ним. Жили без него – и дальше будем жить. Пусть пока молится на свой водопад. А дряхлым станет – в дом престарелых сдадим.

– Нет, сестричка, – усмехнулся Борис. – Я свою предьяву еще не закончил. Шоу начинается только. Перейдем к опросу свидетелей.

Вдруг обернулся к сестре, сказал официальным тоном:

– Лия, пожалуйста, расскажи. Что ты запомнила про день, когда мама умерла?

Девушка побледнела:

– Зачем про это?

– Я тебе объясню. Чуть позже. Пожалуйста. Вспомни все.

Поминутно.

– Борис. Давай прекратим это шоу, – потребовал Федор Олегович.

– Нет уж. Я его много лет готовил. Так что давай, Лия.

Говори.

И она послушно начала:

– С утра ходила в банк, просила очередной кредит. Ей отказали. А после обеда она принарядилась, подкрасилась. Мне сказала, что идет на собеседование, хочет устроиться на работу. Куда, с кем – не объяснила, да я и не спрашивала. Я

ее ждала, до позднего вечера. Но вместо мамы пришли милиционеры. Дальше ничего не помню. Пришла в себя уже в больнице.

– А ты, папуля? Что-нибудь можешь нам про тот день поведать?

– Я виноват, – буркнул Федор Олегович. – Я не должен был уезжать в деревню. Не должен был оставлять ее одну.

– Ох, что я слышу! В кои-то веки ты признал, что виноват! Но скажи: куда мама на самом деле ходила в тот день? Какое такое у нее было собеседование? И с кем? Как она в шесть вечера оказалась одна на Хорошевском мосту? А главное: почему прыгнула вниз?

– В смысле... прыгнула? – прошептала Лия.

Отец тоже взорвался:

– Что ты несешь! Это несчастный случай! Мама стояла у перил, у нее закружилась голова. Она упала.

– Мне и милиционеры так сказали, – прошептала Лия, – что мама просто смотрела на воду и не удержала равновесие...

– Ты была когда-нибудь на этом мосту?

– Н-нет.

– Там высокие перила – ей по грудь. Даже выше. Если закружится голова – можно облокотиться на них. Упереться. С какой стати ей было *падать*?

– Она могла перегнуться через них. Смотрела на воду, пыталась успокоиться, – прошептала Лия. – И не удержалась.

– Сама хоть понимаешь, что это ерунда?

Обернулся к отцу:

– А ты, папа, что скажешь?

Федор Олегович сказал мрачно:

– Я много лет думал об этом. И пришел к выводу: она действительно могла со всем покончить. Кто знал, что она настолько на грани...

– Ты всерьез считаешь, что мама могла сдаться? Предать свою дочь, оставить меня в тюрьме? – спросил Борис. – Она никогда бы не бросила нас. В отличие от тебя.

– Я тоже не могу поверить, что это самоубийство, – прошептала Лия. – Пусть лучше будет несчастный случай.

– Но есть еще один вариант. Третий, – вкрадчиво сказал Борей.

* * *

Борис окончательно завязал с криминалом в две тысячи девятом.

Без профессии и без денег выживать оказалось тяжело. Но куда сложнее, когда в жизни никаких ориентиров и маяков.

Идти за поддержкой к младшей сестре, когда нищ и гол, не позволяла гордость. А больше никого близких у него не осталось.

Съездил к маме на кладбище. Принес охапку любимых ее белых тюльпанов – назло отцу, который дарил по три жалких

цветочка раз в год.

Пока крутило его, вертело по криминальной колее, официальная версия – несчастный случай – Бориса устраивала.

Но сейчас задумался.

Съездил на Хорошевский мост. Постоял у перил, посмотрел на неприятно-серую, никогда не замерзающую Москву-реку.

Упасть отсюда непросто – перила высокие.

А что мама могла по доброй воле прыгнуть – никак поверить не мог.

Но как спустя столько лет выяснять правду?

Однако обратил внимание: метрах в двухстах – жилой дом. По виду не новый. Маловероятно, конечно, что найдутся свидетели несчастного случая, произошедшего девять лет назад, но заняться ему, с тех пор как бросил наркотики, все равно нечем. Поэтому решил попробовать.

Раздобывать фальшивое удостоверение или придумывать легенду не стал. Купил пол-литру, закусь, стаканчики пластиковые – и отправился во двор. Местные алкаши охотно приняли в компанию собутыльника. Борей терпеливо выслушал неизбежное про политику и переустройство мира. А потом стал расспрашивать: у кого окна на мост?

– Зачем тебе?

– Да хрущобу мою расселяют, предлагают жилье с видом на дорогу. Хочу понять: не шумно?

Среди выпивох нашлось сразу двое владельцев видовых

квартир. Оба заверили: если окно стеклопакет и закрыто, то нормально. Даже интересно. Один (сопляк) начал хвастаться, что однажды крутую аварию заснял, в ютьюб выложил. А пожилой дядька Семеныч заговорщицки поведал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.